

Мож. комсомолец —
1992. — 28 авг.

Андрей Кучаев

ЭТИ СТРОЧКИ пишутся в предпраздничные Великопостные дни. Как трудно, вероятно, свершаться чуду Воскресения в наше мертвое время. И какими кощунственными кажутся, наверное, мои слова о нас как бы не живущих.

Я настаиваю лишь на художественном своем вымысле и не хочу, чтобы соотносили сказанное мною с Откровением, какое есть внутри Веры. И тем не менее — как трудно воскресать...

Пасху одно время я частенько праздно-

Пасха

вал на Ордынке, дом 13, квартира 17. Теперь на этом доме мемориальная доска. Там в своей келье-камере жила не жила Анна Андреевна Ахматова. Подаренный добрым отношением хозяина дома Виктора Ефимовича Ардова, давшего ей кров, я бывал в этом доме как «свой» долгие годы. Бывал у друзей, о которых уже писал-вспоминал; у Бориса Ардова, артиста и художника, и его брата Михаила Ардова-Ольшевского (по матери), будущего священника, отца Михаила, последнее время он совмещает служение с писательством и уже весьма замечен.

Анны Андреевны давно нет.

Опустела келья.

Впервые увидел я ее, когда мне было семнадцать лет.

Я сидел в столовой этого легендарного дома, дожидаясь своих друзей. Их не было. Я так мало знал еще про этот дом, что просто не мог себе представить значительности встречи, которая произошла этим утром спустя мгновение. Отворилась дверь, в комнату вплыла, как мне показалось, невероятно высокая женщина. Я сидел низко в диване, она вплыла, гордо откинув голову с орлиным носом и высококособорно подобранными губами. С высокого лба назад зачесаны были серебряные с отливом волосы, собранные в тугий узел, скульптурно венчающий череп на стороне, противоположной крутому, чуть капризному подбородку. На плечах лежала и стекала с них та самая «ложноклассическая шаль» с длинными кистями. Пальцы руки осторожно перебирали невидимые четки, иногда касаясь камней на груди, а мизинец нехотя, томно, весь помня прошлое, отставал от кисти... Будто капризничал.

ЖЕНЩИНА была немолода, я бы сказал, она была в возрасте королевы — матери. Глаза смотрели чуть из-под век, давая понять, что видят этот мир давно, утомлены, но если он, этот мир, явит что-то новое, они не преминут открыться полностью и, если надо, вспыхнуть. И позже я видел и эти вспылки, и этот мгновенный интерес. И лукавство, и улыбку — это уже совсем редко.

Голос был горловой, не грудной, точнее — верхнегрудной. И очень музыкальный. Такой голос легко должен говорить

по-итальянски. Говорить нараспев — не петь. Для этого голоса пение было бы, пожалуй, несколько легкомысленно, такая скорбь звучала в нем; эта же скорбь пепельным налетом серого серебра присутствовала в том отливе волос, который не был назван мной сразу, в колорите этого живого портрета. Перламутр и жемчуг. Пепельность перламутра и жемчуга.

В неуклюжем портрете пасынка Ардова, художника-любителя и замечательного актера Алексея Баталова, передан как раз этот колорит, чем портрет и ценен. Он всегда висел на самом видном месте в гостиной Ардовых. Анна Андреевна поднимала на него глаза, наверное, когда хотела посоветоваться с собой со своего любимого места — дивана напротив. На этом диване как раз сидел в то утро я. Представить нас друг другу было некому. Я неловко встал, выкарабкиваясь с низкого своего места, не знал, как мне следует поступить: целовать ли руку, как, я видел, делают в кино настоящие кавалеры, встречая таких царственных дам. Или просто раскланяться, шаркнуть и что-нибудь сказать подобающее... А что? О том, кто передо мной, я просто не догадывался. Меня не предупредили, что «акмеистка» здесь. Я вообще-то, когда я узнал, что она жива, был потрясен, а о том, что она может просто войти в комнату, где я сижу, и не мыслил. А она вот вошла. Я

так и не нашел ничего сказать. Я что-то прошипел. Стал невероятно красным и пересел на стул. Анна Андреевна подняла чуть брови, потом в губах дрогнула тень улыбки, не более чем если бы в губах изваяния, и медленно, сохраняя все свое достоинство, а заодно и испанскую грацию, продиктованную необходимостью короткой борьбы с шалью, села. Тут я заметил ее возраст, ее юмор, ее вес — диван медленно и торжественно принимал свою необыкновенную ношу.

— День добрый, — отозвалась она на мое шипение, — вы, как я понимаю, к мальчишкам?

Я ОПЯТЬ попытался объяснить что-то, что должно было извинить не только мое присутствие в этой столовой, но и на свете вообще. Теперь Ахматова улыбнулась явственной. Ей понравилось мое смущение. Но на помощь она приходила не стала. Так, с блуждающей улыбкой, с рукой внизу горла у четок, которых нет, у камен, которой не помню, но которая всегда есть на портрете, она повернула голову к окну и надолго застыла, замолчала. Молчал и я. Часов в гостиной не было, и время было слышно скорее в некоем шуме тишины или крови.

Не знаю, сколько прошло времени. Стремительно открылась дверь кабинета, и вышел хозяин, Виктор Ефимович Ардов. Шумный, острослов и немножко циник, он сразу оценил ситуацию и зарокотал, расправляя ассирийскую красивую бороду:

— Вам привет! И что вы тут делаете, храня «гробовое» молчание?

Я вскочил и тут уж просто не знал, что сказать, я просто уронил стул.

— Ну? Анна Андреевна? Объясните мне, что вы тут молча делаете?

«Анна Андреевна? Так вот кто это?!» — я уже не знал, как вылезу из-под стола.

— Просто, Виктор Ефимович, мы любим друг друга молча, — неожиданно сказала Ахматова.

Виктор Ефимович вскинул брови, оценил ответ, расхохотался!

Ахматова спасла меня и ситуацию поцарски. Ее ответы тогда быстро становились легендами, стал и этот упоминание. О нем позже написал в своих воспоминаниях отец Михаил...